

ЗОНОВ
НАСЛЕДИЕ

**НОВЫЕ ИДЕИ
В ФИЛОСОФИИ
СБОРНИК № 10
МЕТОДЫ ПСИХОЛОГИИ**

II

DirectMEDIA

Новые идеи в философии

Коллектив авторов

**Новые идеи в философии.
Сборник номер 10**

«Директ-Медиа»

2014

УДК 159.9
ББК 88

Коллектив авторов

Новые идеи в философии. Сборник номер 10 / Коллектив авторов — «Директ-Медиа», 2014 — (Новые идеи в философии)

Серия «Новые идеи в философии» под редакцией Н.О. Лосского и Э.Л. Радлова впервые вышла в Санкт-Петербурге в издательстве «Образование» ровно сто лет назад — в 1912—1914 гг. За три неполных года свет увидело семнадцать сборников. Среди авторов статей такие известные русские и иностранные ученые как А. Бергсон, Ф. Brentano, В. Вундт, Э. Гартман, У. Джемс, В. Дильтей и др. До настоящего времени сборники являются большой библиографической редкостью и представляют собой огромную познавательную и историческую ценность прежде всего в силу своего содержания. К тому же за сто прошедших лет ни по отдельности, ни, тем более, вместе сборники не публиковались повторно.

УДК 159.9

ББК 88

Содержание

Ю. Филипченко.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Новые идеи в философии. Сборник номер 10

Ю. Филипченко.

Предмет зоопсихологии и ее методы

За последнее время сперва в немецкой, а затем и в русской литературе снова всплыл вопрос о «думающих лошадях». Мы говорим – снова, так как одна из этих лошадей, именно «умный Ганс» нашумела в Берлине уже около 10 лет тому назад. Однако, после исследования этой лошади специальной научной комиссией с профессором Штумпфом во главе интерес к «умному Гансу» быстро исчез, так как комиссия высказалась против признания у него настоящих разумных способностей и склонна была объяснить все поступки этой любопытной лошади путем подачи ей знаков со стороны кого-нибудь из присутствующих, подачи, часто совершенно непредумышленной и невольной. Тот же «умный Ганс», который мог читать, считать, владел простейшими математическими действиями, знал стоимость монет и пр., становился в тупик перед самым незамысловатым вопросом, если решение последнего было неизвестно никому из присутствующих.

После смерти своего первого владельца «умный Ганс» перешел к богатому купцу Краллю, который продолжал работать над ним в том же направлении, а также подверг обучению двух новых лошадей, арабских жеребцов «Магомета» и «Царифа». Около года тому назад он выпустил обширное исследование об этих лошадях, где описываются результаты, еще более интересные, чем удалось получить прежде с «умным Гансом». Достаточно сказать, что у г-на Кралля животные проделывают не только четыре арифметических действия, но даже повышают в степень и извлекают корни (вплоть до корня пятой степени), ими выработан вместо простого выстукивания числа копытом более удобный способ обозначения чисел (единицы выстукиваются правой ногой, десятки левой, сотни опять правой и т. д.), общепринятая орфография переиначивается на свой собственный, «лошадиный» лад и пр.

Появление книги Кралля, несмотря на парадоксальность всех этих данных, снова привлекло к думающим лошадям всеобщее внимание, что выразилось прежде всего в появлении по этому вопросу целой литературы. В реферате Гемпельманна¹, появившемся в конце ноября 1912 года, указано уже 28 статей и заметок о лошадях Кралля; теперь число их, конечно, уже значительно больше.

Как это обычно бывает, среди лиц, высказывавшихся по поводу данных Кралля, нашлись и сторонники и довольно ярые противники признания разумности у лошадей; не было недостатка и в просто колеблющихся, настаивающих на необходимости более тщательного изучения этого явления. Несмотря на наличность довольно сурового приговора по поводу разумных способностей «умного Ганса» со стороны прежней комиссии профессора Штумпфа, среди сторонников Кралля оказались такие имена, как Геккель, Оствальд, Циглер и др.

Мы не будем, однако, разбирать здесь этого вопроса более подробно – и в силу двух причин. Во-первых, в русской литературе появились уже специальные статьи о думающих лошадях В. А. Вагнера (в газете «Речь») и Н. А. Холодковского («Русское Богатство» 1912 г. № 3). Во-вторых, нас интересует сейчас более общий вопрос вообще о разумности животных, вопрос, с которого наиболее естественно начать обзор более новых данных зоопсихологии, а для решения этого вопроса злободневный спор об «умном Гансе», Магомете и Царифе едва ли можно

---

¹ Hempelmann. Das Problem der Erberfelder «denkenden Pferde». – Zentralblatt für Zoologie, allgemeine und experimentelle Biologie, Band I, №11 – 12.

признать особенно пригодным. Однако, самая возможность подобного спора служит наглядным доказательством того, что вопрос о разумности в животном царстве не так уже прост и требует более подробного рассмотрения.

Допущение, что животные, по крайней мере, высшие, наделены, подобно человеку, разумными способностями, составляет довольно распространенное убеждение среди широкой публики. Было время, когда в этом не сомневались и лица, специально занимавшиеся этим вопросом. Достаточно будет, если мы назовем среди них из более известных имен Дарвина, Роменса, Вундта и многих других. Однако, по мере накопления все новых и новых наблюдений и оценки их при помощи критического метода, убеждение это сильно поколебалось, и в настоящее время, если и нельзя считать (как делают некоторые) отсутствие разума в животном царстве доказанным, то все же приходится признать, что центр тяжести психологии животных лежит отнюдь не в разумных способностях.

Если мы начнем разбор этого рода данных с существ более низших, например, с насекомых, которых многие из прежних наблюдателей тоже были не прочь наделить настоящими разумными способностями, то относительно них, мы увидим, теперь уже не может быть ни малейших сомнений, что разумных способностей они лишены совершенно. Жизнь насекомых так сложна, многие из их действий отличаются такой чрезвычайной сложностью, что с первого взгляда это может показаться странным. Однако, наблюдения целого ряда выдающихся исследователей, среди которых первое место принадлежит Фабру, с несомненностью говорят, что все богатство и сложность психической жизни насекомых сводится без остатка к деятельности инстинктивной.

Как бы мы ни определяли понятие инстинкта, наиболее характерной особенностью его, в отличие от действий чисто разумных, является бессознательная целесообразность. Закрепленный в течение ряда поколений путем естественного подбора каждый инстинкт отличается удивительной целесообразностью иногда настолько яркой, что Фабр, например, говорит не раз о «мудрости инстинкта». Одаренное известным инстинктом животное не нуждается ни в обучении, ни в упражнении и отлично выполняет все свои действия с первого же раза; однако, в то же время оно лишено сознания их цели и становится в тупик в тех случаях, когда условия меняются. Книга Фабра² – хотя бы его классические наблюдения над песочными осаами, или любое исследование по биологии и психологии насекомых – дает нам множество примеров этого рода. Тот же самый сфекс, который умерщвляет своих жертв, парализуя жалом их нервные центры, не способен втащить их в норку иначе, как за усик; халикодома, продолжающая строить ячейку, хотя она уже дана ей в готовом виде и наполнена запасами меда; бесконечное множество подобных же примеров из жизни как одиночных, так и общественных насекомых – все это с несомненностью говорит за то, что наиболее сложные действия их имеют в своей основе лишь одни инстинкты и лишены той сознательной целесообразности, которая характерна для действий разумных.

Однако, многие не склонны отвечать на этот вопрос столь безапелляционно и готовы допустить у насекомых при несомненном преобладании действий чисто инстинктивных и незначительную, правда, долю разума. Это делает, например, тот же Фабр, которому в нашем знакомстве с психикой насекомых мы обязаны, пожалуй, больше, чем кому бы то ни было. Из других более известных в настоящее время имен можно назвать швейцарского психиатра и знатока жизни муравьев Фореля и некоторых других.

Было бы слишком долго разбирать здесь те аргументы, которые приводились ими в пользу этого воззрения, точно так же, как и те возражения, которые выдвигались противоположной стороной. Можно лишь указать при этом на одно в высшей степени важное соображение, значение которого особенно сильно подчеркивается одним из крупных зоопсихологов

---

² Фабр. Инстинкт и нравы насекомых. Перевод Шевыревой.

нашего времени – Васманом. «Мы не имеем права, пишет он, приписывать животным никаких высших психических функций, как только те, какие они, видимо, обнаруживают... Эти психические процессы (инстинктивные) образуют в человеке наиболее низко стоящие и наиболее простые формы душевной деятельности; поэтому по ним мы должны прежде всего оценивать и проявления животной душевной жизни; рассуждение и свободный выбор мы можем привлекать на помощь, как основание для объяснения, только там, где этих простейших бессознательно-целесообразных ассоциаций оказывается недостаточно»³.

Если подойти с этой точки зрения – оспаривать которую во всяком случае очень трудно – к тем фактам, которые приводят, например, Фабр или Форель в доказательство разумности насекомых, то их трудно признать достаточными. В частности те факты, на которые ссылался Фабр, чрезвычайно обстоятельно и остроумно разобраны в одной из книг Вл. Вагнера⁴, разбор других возражений можно найти в упомянутой выше книге Васман, – к ним мы и отсылаем читателя.

Мы нарочно начали с насекомых, которые и по своей организации и по биологическим особенностям занимают одно из высших мест среди беспозвоночных животных. Если вся психическая жизнь насекомых сводима на действия чисто инстинктивные и не требует для своего объяснения допущения разума, то тем более мы не в праве ожидать разумных способностей у других беспозвоночных, стоящих во многом ниже насекомых. И, действительно, поиски разума у самых различных представителей этой наиболее обширной группы животного царства приводят повсюду к тому же – отрицательному – результату.

Теперь мы должны перейти к высшему типу животных, – к животным позвоночным, заключительным звеном которых является человек, и посмотреть, как обстоит дело в этом отношении у них. Отрицание разумности даже у наиболее высоко стоящих беспозвоночных вроде насекомых, конечно, ровно ничего не говорит о том, присущ разум позвоночным животным или нет: здесь а priori возможно как то же самое положение вещей, так и диаметрально противоположные отношения. Чтобы сократить рассмотрение этого вопроса, мы оставим и здесь психику низших позвоночных совершенно в стороне и остановимся, главным образом, на их высшем классе, именно, на млекопитающих.

Казалось бы, наличие разума у млекопитающих не может возбуждать ни у кого никаких сомнений, так как многочисленные данные этого рода из жизни собак, лошадей и других близких к человеку животных известны каждому. Дело, однако, в действительности обстоит далеко не так. Правда, в произведениях многих, даже известных специалистов постоянно можно найти указания, что разумные способности у этих животных, несомненно, существуют и притом в форме, довольно близкой к человеческому разуму. Однако, утверждение это теряет свою несомненность, если мы обратимся к опытам, поставленным специально для выяснения этого вопроса, а также к более точным наблюдениям. Особенно интересны в этом отношении опыты целого ряда американских исследователей, – Торндайка, Хобхуза, Киннемана, произведенные, главным образом, над обезьянами.

Несмотря на всю человекоподобность поведения последних, внимательное изучение его привело трех названных исследователей к почти единодушному заключению, что у обезьян можно говорить лишь о тех или иных ассоциациях по смежности или по сходству, а отнюдь не об истинных умозаключениях. «Относительно обезьян, точно так же, как и относительно остальных млекопитающих, мы имеем положительные доказательства в пользу отсутствия у них какой бы то ни было общей мыслительной способности», пишет, например, Торндайк⁵.

---

³ Васман. Итоги сравнительной психологии. Перев. Караваева, стр. 9 – 10 и 130.

⁴ Вл. Вагнер. Психология животных. 1902, стр. 116— 170.

⁵ Цитировано по Васману.

Приблизительно к такому же заключению пришел на основании целого ряда опытов и Морган относительно собак: он находит, что и у них совершенно отсутствует мыслительная способность.

Довольно подробно разобран вопрос о разумности позвоночных животных в недавно появившейся книге нашего русского зоопсихолога Вл. Вагнера⁶. Он считает, что последние, в отличие от беспозвоночных, не лишены элементов разумных способностей, именно, памяти и способности к ассоциациям. Память у всех представителей позвоночных идентична с памятью человека и принципиально отлична от инстинктивной памяти беспозвоночных. Ассоциации у млекопитающих и птиц также, несомненно, имеют место, но лишь постольку, поскольку речь идет об ассоциации действия с предметом и действия с действием: ассоциации же по сходству у животных не могут считаться доказанными. Переходя к высшим разумным способностям (целепонимание, умозаключение, абстракция), Вл. Вагнер, однако, категорически отказывается признать их существование у кого-нибудь даже из наиболее высоко организованных позвоночных и считает их присущими лишь человеку. – Таким образом, он в общем сходится во взглядах с вышеупомянутыми американскими исследователями. Правда, разумная способность в ее наиболее элементарной форме не отрицается им у животных совершенно, но, во всяком случае, вводится в очень тесные рамки.

Наиболее ярким противником разумности каких бы то ни было животных, все равно, будут ли это существа более низко организованные вроде насекомых или же высшие представители типа позвоночных (за исключением, конечно, человека), является Васман. Разбору этого вопроса посвящена одна из его более крупных работ «Instinkt und Intelligenz im Tierreich»⁷, где собраны как все имеющаяся по этому вопросу литературные данные, так дано и освещение его с более общей точки зрения. Как бы ни относиться к мировоззрению самого Васмана, являющегося не только крупным биологом и зоопсихологом, но и сторонником чисто теологического взгляда на вещи, с его книгой приходится очень считаться.

Нельзя не отметить, что к вопросу о разумности животных, особенно у защитников его положительного решения, примешивается нередко еще один элемент, именно, опасение, чтобы, отвергнув разумные способности даже у высших позвоночных, не сойти с строго эволюционной точки зрения. Мы знаем, что, как выразился Дарвин, человек обязан своим существованием длинному ряду предков; мы знаем затем, что все его особенности произошли от других особенностей, бывших в свое время у наших животных предков. Значит – нередко делают вывод – разумность человека могла произойти лишь из чего-нибудь подобного же ей у существ, стоявших на более низкой ступени развития – следовательно, разумные способности должны быть хотя бы у высших животных.

Однако, прошло уже время, когда старинное изречение «*natura non facit saltus*» являлось своего рода «золотым правилом» биологии. С появлением на сцену мутационной теории де-Фриза, с возникновением так называемого учения о свойствах, взгляд на эти вещи сильно изменился, и теперь даже сторонники существования медленных и постепенных изменений не отрицают, что во многих случаях новые свойства, новые особенности возникали, вероятно, внезапно, без всяких переходов, путем скачка. А если это так, то нет ничего невозможного в том, что яркая искра разума могла зародиться у предков современного человека без каких бы то ни было переходов, совершенно внезапно. Следовательно, мы можем решать вопрос о разумности животных совершенно объективно и спокойно, без каких бы то ни было предвзятых мыслей и без опасения, что в случае отрицательного ответа на него мы будем немедленно взяты под подозрение «в неблагонадежности по эволюционной части».

---

⁶ Вл. Вагнер. Биологические основания сравнительной психологии. Т. II. 1913.

⁷ Переведена, как первая часть упомянутой выше книги Васмана, на русский язык Каравасевым.

Так или иначе, можем ли мы теперь категорически ответить на вопрос, присуща ли разумность одному человеку или же он разделяет ее с высшими представителями царства животных? Пожалуй, благоразумнее будет воздержаться от этого и оставить вопрос о разумных способностях животных на некоторое время под сомнением, хотя (как кажется, в частности, пишушему эти строки) то, что мы уже знаем теперь, скорее говорит против разумности в животном царстве, чем за нее, особенно если понимать под разумом не только его элементы вроде памяти или простейших ассоциаций, а брать это понятие в той форме, которая присуща человеку.

Как бы то ни было, центр тяжести зоопсихологии лежит отнюдь не в изучении разумных способностей животных, а совсем в другом, именно, в исследовании животных инстинктов, так как психология животных, даже наиболее высших, есть психология инстинктов по преимуществу.

Мы сказали – инстинктов, но ведь одними разумными актами и инстинктами не исчерпывается вся психика человека: если оставить совершенно в стороне его высшие, волевые и сознательные психические акты, то все же среди низших, автоматических и бессознательных актов мы имеем, помимо деятельности инстинктивной, еще обширное количество рефлексов. – Каково же значение актов чисто рефлекторных в психике животных и нельзя ли свести последнюю, по крайней мере, у низших форм на одни рефлексы без всякого участия инстинктов?

Что жизнь наиболее низко организованных животных состоит, быть может, из одних рефлексов, при том рефлексов довольно простых, это в общем довольно вероятно. Однако, существует целое направление, старающееся свести к рефлекторным актам жизнь даже более высокоорганизованных животных вплоть до насекомых и даже позвоночных, при чем сторонники этого взгляда рассматривают инстинкты лишь как более сложные рефлексы.

Основателем и самым видным представителем этого направления является один из крупнейших американских биологов Жак Леб⁸. – В свое время этим исследователем совместно со многими другими была разработана так называемая теория тропизмов, согласно которой движения одноклеточных организмов, точно так же, как и растений, объясняются на почве раздражимости или чувствительности, т. е. способности реагировать на те или иные воздействия внешнего мира. Под влиянием тепла возникает движение к нему или от него – положительный или отрицательный термотропизм, под влиянием света возникает подобный же фототропизм или гелиотропизм, сила тяжести служит источником геотропизма и т. д. Не останавливаясь на этой теории и приложимости того толкования, которое дает Леб, даже к простейшим, отметим лишь, что он переносит ее целиком и на высших многоклеточных животных.

Стремление многих животных, например, к свету, по Лебу, есть не что иное, как тот же гелиотропизм, который управляет движениями головки подсолнечника; выползание гусениц одной из бабочек (златогузки) весной на вершину дерева, где они находят первую пищу в виде молодых почек, он обозначает, как положительный гелиотропизм, сохраняющийся у гусениц лишь до тех пор, пока они голодны. Совершенно подобным же образом ряд сложных инстинктов животных, заставляющих их отыскивать пищу, является, по Лебу, не более, как хемотропизмом, т. е. стремлением к известным химически действующим на протоплазму веществам, и по существу мало отличным от того хемотропизма, под влиянием которого белые кровяные шарики поедают бактерий. Охватывание самки самцом во время полового акта есть частный случай стереотропизма, т.е. стремления приводить свое тело в соприкосновение с твердыми телами, и т. д. и т. д.

Теория Леба, несмотря на ряд направленных против нее возражений, нашла целый ряд сторонников. Один из них – Бетэ – выпустил специальную статью, посвященную вопросу – «Имеем ли мы право приписывать муравьям и пчелам психические способности?»⁹. Автор

---

⁸ Loeb. Einleitung in die vergleichende Gehirnphysiologie und vergleichende Psychologie. Leipzig. 1899.

⁹ Bete. Dürfen wir den Ameisen und Bienen psychische Qualitäten zuschreiben? – Pflügers Archiv. Bd. 70. 1898.

отвечает на этот вопрос решительным «нет» и видит в насекомых простые «рефлекторные машины», сравнивая их даже с игрушкой, которая приводится в движение путем притяжения магнитом. Например, выход муравья из гнезда за пищей и обратное возвращение с ней домой объясняется в высшей степени просто: присутствие ноши вызывает рефлекс – движение к гнезду, ее отсутствие – другой рефлекс – движение от гнезда.

Нечего и говорить, что теория Бетэ вызвала самый резкий отпор и всестороннюю критику со стороны других знатоков жизни насекомых. Не останавливаясь на ней подробно, укажем лишь две наиболее интересные статьи – Васмана¹⁰ и Буттель-Рипена¹¹. Едва ли нужно говорить, что и оба этих автора, и ряд других, не менее известных, специалистов категорически отказались присоединиться к Бетэ и рассматривать сложнейшую инстинктивную жизнь насекомых, как подобный рефлекторный механизм.

Подобным же образом ряд различных зоопсихологов и просто биологов подвергли не менее суровой критике общую теорию Леба о сведении всех инстинктов животных к одним тропизмам. Несостоятельность последней для каждого непредубежденного человека настолько ясна сама по себе, что мы можем не останавливаться здесь на этом. Укажем лишь, что подробную критику воззрение Леба в имеющейся на русском языке литературе можно найти, во-первых, в упомянутой выше книге Васмана и, во-вторых, в одной из книг Вл. Вагнера¹², который остроумно называет теорию Леба «монизмом снизу», противопоставляя его «монизму сверху», который готов мерить психику всех животных человеческим масштабом, доходя до признания разумной деятельности даже у простейших.

Итак, несмотря на наличность теории Леба, Бетэ и других, мы все же с полным правом можем сказать, что психическая жизнь животных, по крайней мере, высших, т. е. позвоночных, членистоногих, моллюсков, сводится, главным образом, к инстинктам, которые достигают у многих из них необычайной сложности. Что касается до рефлекторных актов, то у высших животных, как и у человека, они играют подчиненную роль, и изучение их есть и здесь предмет не столько психологии, сколько нервной физиологии. Вл. Вагнер вполне правильно определяет в качестве психической деятельности лишь инстинкт и разум, противопоставляя им деятельность допсихическую, рефлекторную, которая, по его мнению, лежит уже за пределами психологии в точном смысле слова (см. его «Биологические основания» т. II, гл. 1).

---

¹⁰ Wasmann. Eine neue Reflextheorie des Ameisenlebens. Biolog. Centralbl. Bd. 18. 1898.

¹¹ Buttel-Riepen. Sind die Bienen Reflexmaschinen? Biolog. Centralbl. Bd. 20. 1900.

¹² Вл. Вагнер. Биологические основания сравнительной психологии. Т. I. 1910.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.